

Наталья Козлова

Рец. на: Е.Н. Марасинова. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.

Nataliya Kozlova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: E.N. Marasinoва. «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: Ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya. Moscow, 2017

DOI: 10.31857/S086956870000143-8

Новая книга доктора исторических наук ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Елены Нигметовны Марасиновой продолжает начатое в двух предыдущих монографиях автора¹ исследование проблемы «Власть. Общество. Личность». В новейшей историографии вектор в изучении государственной власти сместился с восприятия последней как категории институциональной на её характеристику как категории символической. В центре внимания исследователей оказался процесс формирования и трансформации идей и символов власти, а также сценарии их репрезентации и конкретные формы воплощения в сознании подданных². В рецензируемой монографии символический облик власти рассматривается сквозь призму идей государственной доктрины самодержавия, их репрезентации, механизма воздействия на сознание людей и манипуляции им посредством политической терминологии и символики, т.е. через словесное и визуальное воздействие лексических и знаковых средств.

Стремление образованной части общества XVIII в. к более глубокому и адекватному восприятию смысла тех или иных понятий, отмечаемое автором во введении, созвучно современной ситуации в исторической научной среде. В новейших исследованиях обращается внимание на соотнесение понятийного аппарата научных исследований с социально-политической терминологией исторической эпохи, на процесс формирования политического языка и влияния на него европейских политических понятий³. И в этом плане рецензируемая книга отражает современные тенденции развития исторической науки.

Во Введении автор сосредоточилась на демонстрации главных тенденций в разработке на европейском и российском материале актуального направления в изучении обществ

прошлого через «Историю понятий» и методов Концептуальной истории (*Begriffsgeschichte* или *History of Concept*). Опираясь на них и соединяя анализ политического языка эпохи и содержания того или иного термина в русском, немецком и французском языках с обстоятельствами его «бытования», с исследованием социальных практик, с ним связанных, автор стремится к обретению нового знания о характере взаимоотношений власти и личности в России второй половины XVIII в. Отталкиваясь от историографической ситуации понимания тех или иных элементов политической системы России и употребляемых для их обозначения терминов, Е.Н. Марасинова намечает перспективы дальнейшей разработки предметной области исследования и предлагает рассмотреть содержание ряда терминов и понятий. Например, в вопросе о так называемой неограниченной законодательной власти автор исследует способность власти через законодательство обеспечить социальный контроль над политическими настроениями подданных, а также проследить восприятие понятия «закона» в обществе. В ракурсе практического применения в монографии обращается внимание на смысл аутентичных эпохе дефиниций политического и сословного строя России XVIII в.: *закон, подданный, гражданин, указ, обычай, самодержавие, самовластие, просвещённый монарх, чин, класс, сословие, холоп, раб, монарх, государь, нация, общество*. Выбор таких понятий, как «закон», «подданный», «гражданин», для лексического и социального анализа не случаен. Именно они в эпоху Просвещения являлись своеобразной сцепкой между властью, обществом и личностью и, согласно видению автора, проникновение в заключённый в них смысл позволяет раскрыть механизм воздействия престола на сознание подданных, способности репрезентации власти присущих ей идей

и повседневные практики, ценностные приоритеты различных социальных групп.

Исследовательская задача и ориентация на аналитические приёмы *Begriffsgeschichte* определили необходимость привлечения разнообразных по характеру источников, в своей совокупности позволяющих более точно раскрыть содержание важнейших терминов русского политического языка XVIII в. В их числе законодательные акты, подготовительные к ним документы и нереализованные проекты; произведения официальной публицистики и памятники общественной мысли; источники личного происхождения — дневники, переписка, мемуары, прошения, а также художественная литература и словари изучаемого времени. В результате скрупулёзного анализа различных по назначению и видовой принадлежности источников автору удалось не только раскрыть позицию и идеологию власти, её представление об обществе, но и увидеть социальные практики употребления различных терминов на индивидуальном уровне.

Благодаря детальной характеристике источниковой базы (раздел «Текст и реальность») читатель получает ясное представление не только о специфике и возможностях тех или иных групп источников, но и отчётливо видит огромный массив привлекаемых материалов, всю систему и принципы источниковедческих разысканий автора. Особенно детально они представлены на примере законодательных документов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ). На их основе автор раскрывает читателю свой замысел и направления его реализации, выделяя приоритетные тематические группы и воспроизводя в подстрочнике содержание входящих в каждую группу документов, привлечённых в работе. Остаётся только пожалеть, что полный перечень законодательных актов, как опубликованных в ПСЗ, так и не вошедших в это издание, но выявленных автором в собраниях гражданской печати ряда библиотек и структурированных ею в тематические группы, не вошёл в состав Приложений к монографии. В этом случае в дальнейшем он мог бы стать основой для комплексной реконструкции нормативной базы правовой культуры и политического языка российской власти и общества XVIII в. Опыт создания таких тематических путеводителей по ПСЗ уже имеется⁴.

Ракурс исследования, круг источников, приёмы и методы анализа определили тематику разделов книги и организацию текста внутри них. Стремясь раскрыть содержание понятий «Закон Божий» и «Закон государственный» в политическом языке XVIII в. (глава I), автор обращается к рассмотрению ряда

законодательных актов и конкретных эпизодов политической жизни, позволяющих понять соотношение веры и правового сознания в идеологии власти, в судебной и повседневной практике. В центре внимания оказался вопрос о вынесении смертного приговора в период действия моратория на «наказание смертью» при Елизавете Петровне, а также вопрос о применении, идейном обосновании и сценарии осуществления смертной казни в царствование Екатерины II. В связи с этим в монографии рассмотрены обстоятельства и мотивы клятвенного обещания, данного Елизаветой Петровной в ночь переворота, в случае занятия престола никого не казнить, и практическая составляющая этого обещания, воплотившего всеислие воли самодержавной правительницы, ставшей законом; история появления понятия «политическая смерть», его трактовка правовым сознанием XVIII столетия и причины, по мнению Марасиновой, ошибочности отождествления моратория на смертную казнь в царствование Елизаветы Петровны с *политической смертью*. Проследившая смыслы, вкладываемые законодательной властью в такие термины, как «политическая смерть — шельмование — политическая казнь», исследовательница показывает, как под влиянием судебной практики и реалий жизни происходило смягчение жёсткого требования остракизма для лица, подвергшегося шельмованию.

В царствование Екатерины II, по замечанию автора, проблема смертной казни перестала находиться в плоскости отношений императрицы и «её Бога», как это было в период действия моратория при Елизавете Петровне. На примере дела подпоручика В. Мировича, убийства архиепископа Амвросия (Зергис-Каменского) в ходе Чумного бунта в Москве в 1771 г. и пугачёвщины, закончившихся разными видами смертной казни, показано, как в это время выстраивался диалог власти с подданными. Приведение всех смертных приговоров в исполнение сопровождалось единым по мотивации, аргументам и способам репрезентации образа императрицы сценарием, а Священное Писание, обосновывая правомерность судебных решений, обеспечивало законность высшей меры наказания.

Последним сюжетом главы I стало *публичное церковное покаяние*, восходящее к древнему христианскому ритуалу, не имевшему традиции в русском православии. Частично реанимированное Воинским уставом 1716 г., публичное церковное покаяние, по замечанию Марасиновой, использовалось Екатериной II для «манипуляции сознанием подданных» во имя «государственного успеха» (с. 182–183). Подобно сценарию *политической смерти* елизаветинского царствования действие публичного покаяния

прописывалось и режиссировалось верховной властью. Лейтмотивом обоих сценариев была идея всемогущества и милосердия венценосной правительницы, уподобляемой в этих качествах Всевышнему.

В главе II («Закон»), посвящённой характеристике разнообразных видов законодательных документов и раскрытию *высшего смысла закона*, автор обращается к рассмотрению написанной Екатериной II в 1787 г., но не ставшей законом записки под названием «О преимущество Императорского величества» (с. 217–219, Приложение, с. 418–423). В ней с предельной чёткостью изложено видение императрицей преимущества самодержавного правления. С точки зрения Екатерины II, *самодержавие* с просвещённым монархом, располагающим неограниченной властью и государственными законами, являлось гарантом целостности империи, безопасности её и каждого подданного (с. 218). В этом собственно и состоял высший смысл закона. На протяжении XVIII в. шёл процесс постепенной регламентации устных распоряжений монарха и вписывания их в законодательное пространство. Тем самым, по словам Марасиновой, «формировалось представление о законе как о воле государя, соответствующим образом зафиксированной и оформленной» (с. 222).

Правда, порой закреплённое в правовом сознании представление о законе выражалось в нежелательном для власти виде. Автор приводит интересные факты распространения среди «простого народа» подложных высочайших грамот и обращения работных людей и крестьян к вымышленным законам в прошениях и челобитных. Елена Нигметовна справедливо подчёркивает, что они свидетельствовали «об укреплении веры в возможность правовой защиты», но в то же время «о крайне скудном знании содержания законодательной деятельности власти, которая обрастала слухами и домыслами» (с. 235–236). В сочинении подложных указов проявлялись «наивные упования на закон». Как представляется, вряд ли стоит апелляцию населения к правовым нормам определять словом «наивные». Наивными были расчёты на возможность введения власти в заблуждение ссылками на не существующие или вымышленные законы. В этом действительно сказывалось слабое понимание «содержания законодательной деятельности власти». Сила же действующих указов, разумеется, не вызывала сомнений, ассоциировалась с высшей государственной волей и вполне соответствовала стремлению самой власти. Верой в силу закона как раз и объяснялись попытки выдать желаемое за действительное с помощью вымышленных государственных установлений. Кстати, нередко челобитные, составленные от имени

крестьян, посадских людей и других низших слоёв населения, демонстрируют хорошее знание законодательства в вопросах, непосредственно касающихся их интересов. В этом плане правовое сознание и правовое мышление, свойственные различным социальным группам, ещё нуждаются в дальнейшем изучении.

Принципиальное значение для понимания содержания правовой политики власти царствования Екатерины II и всей концепции книги имеет раздел, озаглавленный «“Здравый смысл” и “предписания естества”». Уже давно признано, что многочисленным упоминания Петра I об ориентации при проведении реформ на шведские законодательные установления и обилие иностранных терминов и слов в нормативных документах не должны сбивать с толку исследователей при оценке реального содержания и смысла созданных великим реформатором институтов и учреждений. Бумаги Кабинета Екатерины II также были наполнены выписками и копиями европейских законодательных актов, а в вышедших из-под пера императрицы установлениях было немало терминологических и даже смысловых заимствований. Однако, по справедливому замечанию Марасиновой, это не означало «готовности российской власти жить в соответствии с правовым и кодификационным опытом соседей» (с. 269). Как, впрочем, добавим, и не исключало такой возможности. Не приходится спорить с тем, что основной принцип российского законотворчества состоял в ориентации на потребности государственно-го развития, разумеется, в соответствии с представлениями венценосной особы и её «законоискусников» (с. 270). Екатерина II, политическая элита и просвещённая часть дворянства были хорошо знакомы с правовой и философской литературой своей эпохи. Из неё черпались идеи государственного устройства. Однако их претворение с помощью законодательных установлений, по словам самой российской императрицы, основывалось на собственных «нравах жизни».

Тщательно продуманную политику, проводимую при Екатерине II по отношению к знати, автор монографии противопоставляет разрушению «всякого диалога, даже умозрительного и показательного, с большей частью населения» (с. 277). В подтверждение этого наблюдения приводится ссылка на указ «о неподавании прошений Ее Императорскому Величеству, минуя надлежащие присутственные места». Именно он, полагает исследовательница, «наглядно демонстрировал рост недосыгаемости императорской власти». В том, что императорская власть при Екатерине II поднялась на недосыгаемую высоту, сомнений не возникает. Однако думается, что смысл этого указа в другом. Он вполне

вписывался в процесс бюрократизации административной системы, вытеснявшей из государственной жизни ещё кое-где сохранявшиеся черты патриархальности. В результате отношения верховной власти и подданных, причём всех социальных групп, теряли межличностный характер и опосредовались государственными структурами. Но при этом все прошения и доношения частных лиц, независимо от того, в какое учреждение они подавались, писались на высочайшее имя. Эта постоянно воспроизводимая практика всякий раз должна была акцентировать в сознании просителя значение высшей власти, от воли которой зависело абсолютно всё.

И если справедливо утверждение Марасиновой, что императрица «не только старалась оградить себя от жалоб «подлых людей», но сама крайне редко обращалась к ним» (с. 278), то надо признать, что достичь этого ей не удавалось. Получая на рассмотрение всякие мелкие частные дела никому не известных лиц, в огромном количестве сохранившиеся среди бумаг её Кабинета, на что обращает внимание и автор монографии, она тем самым знакомилась и с прошениями, их породившими. Кроме того, не Екатерина II, а ещё Уложение 1649 г. лишило крестьян возможности по суду защищаться от помещичьего произвола, поскольку именно оно все челобитные крестьян на господ, за исключением отнесённых в разряд государственных преступлений, объявляло ложными.

На основе комплексного анализа законодательных документов, насыщенных индивидуальными историями и казусами, в монографии представлены многочисленные зарисовки повседневной жизни дворян разного ранга, по выражению автора, «пульсирующая повседневность» (с. 296), обнажающая волновавшие подданных вопросы. Те же источники позволили нарисовать идеальный с точки зрения власти образ служащего дворянина екатерининского царствования и одновременно продемонстрировать, как эпизоды и обстоятельства жизни отдельного человека давали импульс появлению новых указов, а сам он, того не ведая, «становился субъектом права».

Этот ракурс взаимоотношений власти и личности, власти и общества в целом раскрывается также посредством анализа формуляров и порядка подачи прошений на высочайшее имя, характеристики форм официального обращения к монарху и подписей авторов челобитных, содержания термина «веротерпимость» и эволюции понятия «подданный» (разделы главы III «Гражданин»). В совокупности с рассмотрением законодательных установлений, регулирующих практику жалоб царю, такой анализ позволил показать, что терминологический

поиск императрицы 1780-х гг. в области политического языка оставался в рамках официальной идеологической доктрины самодержавия и являлся одним из средств социального контроля над сознанием личности.

Подводя итоги, среди факторов, влиявших на законодательный процесс, Марасинова в качестве главных выделяет «объективные закономерности развития российской государственности», определявшиеся базовыми условиями и особенностями российской жизни с её «жёстким курсом мобилизационной догоняющей модели развития» (с. 404–405). Западные артикулы, кодексы и идеи, ценности идеологии Просвещения задействовались в пределах, допускаемых и диктуемых российской действительностью. «Именно поэтому российское законодательство периода просвещённой монархии строилось не столько на идеях “общего блага”, сколько на принципах прагматизма, здравого смысла и учёта “готовности умов” к правильному восприятию и исполнению распоряжений власти» (с. 405–406).

Другой важный вывод, вытекающий из совокупности всех наблюдений книги, заключается в преобладании в екатерининском законодательстве казуального законодательства, реагирующего на «вызовы реальности» (с. 404), на случаи, не охваченные существующими правовыми нормами. Действительно, ПСЗ в томах по XVIII в. насыщено интереснейшими зарисовками, которые могли бы стать источником изучения повседневной жизни людей различных социальных и профессиональных групп. Однако, как писал Никита Панин в записке, предназначенной наследнику престола, без непреломных законов «есть подданные, но нет граждан» (с. 407), а потому во второй половине XVIII в. «понятие закон, по наблюдению Марасиновой, контекстуально чаще употреблялось вместе с понятием *самодержец* или *подданный*», а не с понятием «гражданин», как у Панина. Этот термин в XVIII в. употреблялся не в смысле «противостояния абсолютизму», а был близок понятию *подданный*, соотносясь со всеми жителями империи как с *согражданами*. И только в лексиконе высшей политической элиты дворянства, вопреки официальной трактовке, постепенно складывается понимание *гражданина* как «человека, защищённого законом от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий» (с. 408).

Монография заканчивается публикацией текстов собственноручных черновых проектов и бумаг Екатерины II, в которых отчётливо вырисовывается доктрина самодержавия, а также обнаруженной в РГАДА (ф. 10) «Авторской рукописи политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II (1794 г.,

апрель)». Вместе с комментариями к посланию, предназначенному для императрицы, рукопись отразила сознание и настроения той части дворянской элиты, которой были близки идеи гражданской ответственности и сопряжённая с ними критика государственной политики и нравов двора, но в то же время «центром картины мира» которых как подданных «был всячески поддерживаемый престолом сакрализированный образ императора» (с. 473). При анализе рукописи исследовательница прибегла к консультациям с отечественными и зарубежными специалистами по екатерининскому времени. И хотя однозначно не удалось назвать смельчака, дерзнувшего в доверительном тоне обратиться к императрице с критическими замечаниями относительно её политики в Польше, состояния нравов при дворе, положения и влияния фаворитов, в ходе заочного обсуждения, как следует из примечаний к публикации документа, были высказаны тонкие наблюдения, позволившие «приблизиться к разгадке тайны авторства, обстоятельств возникновения и политического смысла письма» и комментарии к нему (с. 459).

В целом яркая, интересная и полезная книга Е.Н. Марасиновой, насыщенная заново прочитанным и преподнесённым в ином свете, казалось бы, знакомым материалом, даёт возможность на новом уровне осмыслить правовые представления российского общества и механизм их формирования под воздействием

идеологии самодержавия екатерининского времени и европейского Просвещения.

Примечания

¹ *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999; *Марасинова Е.Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008.

² *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2004; *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века. Новое время.* Вып. 8. М., 2008.

³ Из новейшей литературы см.: *Бугров К.Д., Киселёв М.А.* Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016.

⁴ *Таможенное дело в актах законодательства (1649–1825).* Путеводитель по Собранию Первому Полного собрания законов Российской империи: справочное издание / Сост. В.Г. Балковская, А.Ю. Попович. Владивосток, 2016; *Таможенное дело в актах законодательства (1825–1881).* Путеводитель по Собранию Второму Полного собрания законов Российской империи: справочное издание / Сост. Г.С. Аникеев и др.; Под ред. В.Г. Балковской. Владивосток, 2017.